

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 4, 1974 июль — август

В номере:

К 250-летию Академии наук СССР
Л. Е. Лопатина. Ценное наследство 3

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О. А. Державина. Язык художественной прозы А. Н. Радищева	18
А. В. Никонов. Взгляды декабристов на развитие русского литературного языка	27
В. В. Одинцов. Кто автор?	33
В. А. Плотникова. Безумных лет угасшее веселье	43
И. С. Ильинская. Незнакомые знакомцы	51
Н. И. Михайлова. Заметки о прозе Пушкина	59
<i>Художественно-изобразительные средства К. Г. Паустовского</i>	
Ю. С. Долгов. Метафора	64
И. И. Постникова. Олицетворение	68

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Р. И. Аванесов. Беседы о русском произношении	71
С. С. Плямоватая. Субпродукты	76

ГРАММАТИКА. СТИЛИСТИКА

Т. А. Тулина. С чем мы сравниваем?	81
В. П. Ковалев. Категория числа как выразительное средство	85
Н. Н. Иванова. Отзвуки стиля Пушкина в поэзии наших дней	89

Памяти
академика
В. В. Виноградова

КТО АВТОР?

Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная.

А. С. Пушкин и
Арап Петра Великого

В 1830—1831 годах «Литературная газета» выходила «каждые пять дней, нумерами в один печатный лист большого размера». А вообще-то листы небольшие, пожелтевшие, печать совсем скромная. В первом номере редакционное извещение: «Цель сей газеты — знакомить образованную публику с новейшими произведениями литературы Европейской, и в особенности Российской». В газете пять основных разделов: 1. Проза. 2. Стихотворения. 3. Библиография русская и иностранная (это отдел рецензий, отзывов о литературных сочинениях). 4. Ученые известия. 5. Смесь. Газету делали (писали, собирали материал, редактировали) А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, А. А. Дельвиг, О. М. Сомов. Здесь напечатаны стихи и проза Пушкина, стихи Вяземского, Дельвига, Баратынского, Глинки, начал печататься Гоголь.

Виктора Владимировича Виноградова газета привлекла «проблемой авторства». Дело в том, что в отделах «Библиография» и «Смесь» статьи и заметки публиковались без подписи, анонимно. Что из всего этого принадлежит Пушкину? Надо ли говорить, сколь важна для нас каждая написанная им строчка. Но редакционный архив не сохранился, нет документов, которые бы позволили установить авторов. Значит, остается только одна возможность — атрибуция на основе анализа языка и стиля. Многие исследователи

и комментаторы Пушкина (П. В. Анненков, П. А. Ефремов, Н. О. Лернер, Б. В. Томашевский и др.) в разное время то приписывали Пушкину отдельные статьи и заметки, то отрицали его авторство. Доводы одних казались совершенно неубедительными другим. Ошибки настораживали. Очень тонким и глубоким знатоком Пушкина был Лернер, но и он, как потом оказалось, приписал Пушкину несколько статей Дельвига. Трудности понятны: все-таки немалое общее было между сотрудниками «Литературной газеты».

В. В. Виноградов позже писал: «Казалось бы, выбор между Пушкиным, с одной стороны, и Вяземским, Дельвигом и Сомовым, с другой, не затруднителен. И все же это — не так. Критические задачи и взгляды основного писательского ядра сотрудников „Литературной газеты“ частично совпадали. Общий нейтральный фонд языковых и стилистических средств русской литературной речи того времени иногда — при небольшом объеме заметки — заслоняет и затемняет индивидуальные черты и оттенки стиля автора» (Проблема авторства и теория стилей. М., 1961). Дело не только в том, что заметки невелики по объему. В художественном произведении, стихотворном, прозаическом или драматическом, даже небольшом, резко выявляется индивидуальность стиля. Но чем ближе жанр к деловой или научной прозе, тем он менее выявляет лицо автора. Атрибуция критической и публицистической прозы намного сложнее, чем художественной. Устойчивые, общепринятые способы выражения нередко совершенно стирают авторскую индивидуальность.

Вот, например, острая, ироническая заметка без подписи в № 5 „Литературной газеты“ за 1831 год: «Г. Издатель „Телеграфа“ объявил со свойственной ему скромностью, что „журнал его и впредь хуже не будет“. На сие „Молва“ тотчас ему заметила, что и Г. Издатель „Телеграфа“ невозможного сделать не может. А мы со своей стороны заметим „Молве“, что шутка ее остроумна, но не совсем справедлива. Издатель „Телеграфа“ в первом № своего журнала на нынешний год доказал, что для него и невозможное возможно».

Кто автор этой заметки? Пушкин? А, может быть, Вяземский? Ирония, сатира Пушкина убийственны. Но и острословие Вяземского замечательно. Доказать нельзя.

Есть и еще одна трудность. В некоторых статьях налицо, как будто, приметы Пушкина. Например, замечательный пушкинист Томашевский нашел в «Литературной газете» две заметки, подписанные буквой Р. Так подписывал свои статьи (и даже художественные произведения — «Скупой рыцарь», «Пиковую

даму») Пушкин. Может быть, и эти две заметки вышли из-под пера Пушкина?

В. В. Винсградов внимательно прочитывает эти заметки. Едва ли Пушкин; в этом убеждают и содержание и форма заметок: предмет малозанимательный для Пушкина (грамматико-этимологический ученый спор об одном латинском слове), стиль беззаубый и плоский. Да и в языке заметок много таких выражений, которые Пушкину не могли принадлежать: Пушкин не сказал бы «бранчивое письмо на кого-нибудь», он мог написать «бранчивые выражения», «бранчивые критики» — без связи с предложениями. Никогда бы Пушкин не сказал: «по *высоковзглядным* расчетам» или «*поставлены* ясные и особые формы» (сугубо книжный, ученый слог). Нет, одной зацепки — Р — мало. Это могла быть и латинская, и русская буква, и в последнем случае к фамилии на П (Пушкин) она не имеет вовсе никакого отношения.

Но насколько может быть убедительна и достоверна атрибуция на основе языка и стиля?

1897 год... В солидном историческом журнале «Русский архив», который в течение полувека издавался известным историком, археографом, библиофилом Петром Ивановичем Бартевым, появилась публикация: «„Русалка“ А. С. Пушкина. Полное издание. По современной записи Д. П. Зуева».

Было известно, что Пушкин не кончил «Русалку», а теперь оказывалось, что Зуев слышал от самого Пушкина и записал окончание драмы.

Публикация вызвала всеобщий интерес, споры в печати. Большинство сходилось во мнении: литературная подделка. Но были и возражения: ведь стихи хорошие. Вот монолог княгини:

Княгиня

Мне снилось: я золото считала,
Нивала жемчуг, в яхонты рядилась
Кровавые, блестящие, большие...
И девичий венок булавкой черной
Над русою косою приколола...
Из водных струй сотканною фатой
Прикрылась и, блистая красотою,
С улыбкою в храм божий я вступила.
Хор певчих «со святыми упокой!»
Пропел и мне и князю. В ноги нам
Не оксамит, а зеркало, как лед
Холодное, постлали пред налом;
И свечи, воска белого, с цветами
И золотом зажгли и дали в руки;
Венцы надели, кольца обменяли,
Три раза вокруг налож обвели...

Пушкинские ли это стихи? Как избавиться от субъективизма оценок? И да, и нет — неубедительны. Нужны доказательства.

Нужен был детальный анализ стихов. И вот Ф. Е. Корш в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук» (1898, кн. 3; 1899, кн. 1—2) помещает большую статью «Разбор вопроса о подлинности окончания „Русалки“». Его вывод: окончание, возможно, написано Пушкиным. А через год мистификация была подтверждена документально (Зуева уже не было, он умер в 1898 году).

В научном исследовании может быть интересен не только положительный, но и отрицательный результат. Перед В. В. Виноградовым встала новая задача: внимательно изучить опыт Корша и понять причины неудачи, вскрыть истоки ошибок для того, чтобы их не повторить.

Вот Корш анализирует стихи (из разговора русалок):

Пронесемтесь над рекою,
И, чаруя красотой,
Песней страстной, огневою,
Заманим к себе ловцов.

Плохо, все плохо. Даже неграмотно — «пронесемтесь над рекою». У русалок нет крыльев. Однако Корш рассуждал: «Трудно понять *над* буквально, то есть как бы сверху, без прикосновения к предмету, находящемуся внизу...». Почему трудно? Корш отвечает: да потому, что у Пушкина много аналогичных выражений, например в стихах «П. А. Осиповой»:

Но и вдали, в краю чужом,
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.

Итак, «над холмом» — значит 'на вершине холма', а «над рекою» — 'по поверхности реки'. Стоп! Неверно! Нельзя смешивать разные значения предлогов, так же как вообще нельзя смешивать разные значения слов. У предлога *над* несколько значений. Если мы говорим *смеяться над кем-нибудь*, то это не значит, что можно сказать *грустить над кем-нибудь*; а *плакать над кем-нибудь* имеет совсем иной смысл. Слова *превосходство* и *преимущество* близки по смыслу, мы говорим *превосходство над кем-либо*, а *преимущество над кем-либо* сказать нельзя. Когда мы говорим: *он работает над книгой*, мы не хотим сказать, что книга находится под ним. Семантическая природа предлогов сложна и противоречива, и нужно быть осторожным в выводах.

Еще пример:

Что скажешь, князь?.. Как приглянулась дочь?
Красавица красавцем зачатая,—
Тобой! В тебя рожденная лицом.

«Приглянулась» — явно неудачно, а «зачатая красавцем» просто нелепо. А как же объясняет Корш ошибку в последней строке? Он ссылается на «весьма обыкновенное *уродиться в кого*, откуда недалеко и простое *родиться в кого*, а поэтический язык предпочитает простые глаголы сложным». В. В. Виноградов иронически отмечает: «Не объясняется лишь одно: все ли равно порусски сказать: *уродилась в кого-нибудь* или „в тебя рожденная лицом“, и уместен ли здесь страдательный оборот от несуществующего выражения: „родить кого-нибудь лицом в кого-нибудь“».

Зуев употребил прилагательное *огнево́й*. Оно не встречается в языке Пушкина. Коршу это известно, однако он полагает, что оно могло быть в языке людей того времени: «От слова *огонь* у Пушкина есть прилагательные *огненный...* и *огнистый...* но едва ли он мог найти какое-нибудь препятствие к употреблению правильного и даже нередкого *огнево́й...*».

Конечно, общим словообразовательным принципам русского языка оно не противоречит. Но ведь надо еще изучить и язык эпохи, надо знать, как тогда говорили. «Однако, — заключает В. В. Виноградов, — вопросов о том, в какой мере особенности пушкинского стиля или вообще стихотворной речи того времени отклоняются от общих норм литературного языка первой трети XIX века и каковы литературные нормы русского языка в пушкинскую эпоху, то есть в период с 10-го до конца 30-х годов XIX века, — Ф. Е. Корш не ставит и не решает».

Следовательно, прежде всего необходимо понять стилистическую систему литературного произведения. Не отдельные особенности, а именно систему. Отдельные особенности (например, характерные для данного автора эпитеты, метафоры, сравнения, каламбурные словосочетания, излюбленные рифмовки и т. п.) бросаются в глаза, их легко выявить, подделать, повторить. Эпиграфы как раз и хватаются за эти яркие черты великого писателя. Воспроизвести, подделать стилистическую систему писателя, отражающую специфику его художественного мышления, мировосприятия, невозможно. Затем необходимо изучить проблему соотношения языка писателя и литературного языка эпохи. Надежность атрибуции могут обеспечить только история русского литературного языка и стилистика художественной речи. Ничего этого не было. Сейчас нас поражает, как много было сделано В. В. Виноградовым в 30-е годы. Позже о нем будут говорить как об основоположнике двух новых отраслей лингвистики — истории литературного языка и стилистики. Целая серия книг. Из них две специально посвящены Пушкину: «Язык Пушкина» (1935) и «Стиль Пушкина» (1941). Больше тысячи страниц. А кроме то-

Нужен был детальный анализ стихов. И вот Ф. Е. Корш в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук» (1898, кн. 3; 1899, кн. 1—2) помещает большую статью «Разбор вопроса о подлинности окончания „Русалки“». Его вывод: окончание, возможно, написано Пушкиным. А через год мистификация была подтверждена документально (Зуева уже не было, он умер в 1898 году).

В научном исследовании может быть интересен не только положительный, но и отрицательный результат. Перед В. В. Виноградовым встала новая задача: внимательно изучить опыт Корша и понять причины неудачи, вскрыть истоки ошибок для того, чтобы их не повторить.

Вот Корш анализирует стихи (из разговора русалок):

Пронесемтесь над рекою,
И, чаруя красотой,
Песней страстной, огневою,
Заманим к себе ловцов.

Плохо, все плохо. Даже неграмотно — «пронесемтесь над рекою». У русалок нет крыльев. Однако Корш рассуждал: «Трудно понять *над* буквально, то есть как бы сверху, без прикосновения к предмету, находящемуся внизу...». Почему трудно? Корш отвечает: да потому, что у Пушкина много аналогичных выражений, например в стихах «П. А. Осиповой»:

Но и вдали, в краю чужом,
Я буду мыслью всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.

Итак, «над холмом» — значит ‘на вершине холма’, а «над рекою» — ‘по поверхности реки’. Стоп! Неверно! Нельзя смешивать равные значения предлогов, так же как вообще нельзя смешивать разные значения слов. У предлога *над* несколько значений. Если мы говорим *смеяться над кем-нибудь*, то это не значит, что можно сказать *грустить над кем-нибудь*; а *плакать над кем-нибудь* имеет совсем иной смысл. Слова *превосходство* и *преимущество* близки по смыслу, мы говорим *превосходство над кем-либо*, а *преимущество над кем-либо* сказать нельзя. Когда мы говорим: *он работает над книгой*, мы не хотим сказать, что книга находится под ним. Семантическая природа предлогов сложна и противоречива, и нужно быть осторожным в выводах.

Еще пример:

Что скажешь, князь?.. Как притянулась дочь?
Красавица красавцем зачатая,—
Тобой! В тебя рожденная лицом.

«Приглянулась» — явно неудачно, а «зачатая красавцем» просто нелепо. А как же объясняет Корш ошибку в последней строке? Он ссылается на «весьма обыкновенное *уродиться в кого*, откуда недалеко и простое *родиться в кого*, а поэтический язык предпочитает простые глаголы сложным». В. В. Виноградов иронически отмечает: «Не объясняется лишь одно: все ли равно по-русски сказать: *уродилась в кого-нибудь* или „в тебя рожденная лицом“, и уместен ли здесь страдательный оборот от несуществующего выражения: „родить кого-нибудь лицом в кого-нибудь“».

Зуев употребил прилагательное *огневой*. Оно не встречается в языке Пушкина. Коршу это известно, однако он полагает, что оно могло быть в языке людей того времени: «От слова *огонь* у Пушкина есть прилагательные *огненный...* и *огнистый...* но едва ли он мог найти какое-нибудь препятствие к употреблению правильного и даже нередкого *огневой...*».

Конечно, общим словообразовательным принципам русского языка оно не противоречит. Но ведь надо еще изучить и язык эпохи, надо знать, как тогда говорили. «Однако, — заключает В. В. Виноградов, — вопросов о том, в какой мере особенности пушкинского стиля или вообще стихотворной речи того времени отклоняются от общих норм литературного языка первой трети XIX века и каковы литературные нормы русского языка в пушкинскую эпоху, то есть в период с 10-го до конца 30-х годов XIX века, — Ф. Е. Корш не ставит и не решает».

Следовательно, прежде всего необходимо понять стилистическую систему литературного произведения. Не отдельные особенности, а именно систему. Отдельные особенности (например, характерные для данного автора эпитеты, метафоры, сравнения, каламбурные словосочетания, излюбленные рифмовки и т. п.) бросаются в глаза, их легко выявить, подделать, повторить. Эпиграфы как раз и хватаются за эти яркие черты великого писателя. Воспроизвести, подделать стилистическую систему писателя, отражающую специфику его художественного мышления, мировосприятия, невозможно. Затем необходимо изучить проблему соотношения языка писателя и литературного языка эпохи. Надежность атрибуции могут обеспечить только история русского литературного языка и стилистика художественной речи. Ничего этого не было. Сейчас нас поражает, как много было сделано В. В. Виноградовым в 30-е годы. Позже о нем будут говорить как об основоположнике двух новых отраслей лингвистики — истории литературного языка и стилистики. Целая серия книг. Из них две специально посвящены Пушкину: «Язык Пушкина» (1935) и «Стиль Пушкина» (1941). Больше тысячи страниц. А кроме то-

го — несколько статей, по объему — небольшие книги. Позже вышел и «Словарь языка Пушкина» под его редакцией (1956—1961). Именно эта «вспомогательная» работа сделала столь убедительными аргументы В. В. Виноградова.

Объектом его наблюдений и стала «Литературная газета» 1830—1831 годов. Это была загадка, от которой отступился не один исследователь, задача со многими неизвестными. Еще первому биографу поэта Анненкову друзья и знакомые Пушкина сообщили, что в «Литературной газете» есть анонимные статьи Пушкина. Анненков включил некоторые из статей в собрание сочинений Пушкина. Но большая часть их была отвергнута: они не принадлежали Пушкину. Клад был рядом, но найти его оказалось нелегко. Поисками занимались такие выдающиеся пушкинисты, как Н. О. Лернер, В. В. Гиппиус, Б. В. Томашевский и др.

Внимательно перечитывая «Литературную газету», В. В. Виноградов снова задумался над рецензией на «Невский альманах», помещенной в № 12 (от 25 февраля 1830).

Так, Томашевский заподозрил в ней руку Пушкина. Он писал: «В № 12 рецензия на „Невский альманах“, печатаемая в сочинениях Дельвига... своей характеристикой поэзии Языкова напоминает Пушкина. Но обо всем этом можно только гадать» (Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925).

«А можно ли, не гадая, найти веские доказательства авторства Пушкина?» — думал В. В. Виноградов. Внимание Томашевского привлек отзыв рецензента о Языкове. Не здесь ли ключ к разгадке? Вот эти строки: «С самого появления своего сей поэт удивляет нас огнем и силою языка. Никто самовластнее его не владеет стихом и периодом. Кажется, нет предмета, коего поэтическую сторону не мог бы он постигнуть и выразить с живостию, ему свойственною. Пожалеем, что доньше почти не выходил он из пределов одного слишком тесного рода, и удивимся, что Издатель журнала, отличающегося слогом неправильным до бессмыслицы, мог вообразить, что ему возможно в каких-то пародиях подделаться под слог Языкова, твердый, точный и полный смысла».

Чем же примечательна эта характеристика? Тем, что рецензент высоко оценивает поэзию Языкова? Нет, Языкова любили многие. Примечательно то, какие черты выделяет рецензент, на что он обращает особое внимание. Здесь подчеркнута — «точность». Точность — необходимое качество научного (например, исторического сочинения), делового (юридического и др.) текста. Требовать точности от поэта — это очень похоже на Пушкина.

Обычно критики выделяли — сладость, свежесть, яркость, звучность, живописность и т. п. Пушкин же на первое место ставил — точность. Так, он сразу заметил ошибку Рыльева в словах о гербе России в его думе «Олег Вещий» и писал ему в мае 1825 года из Михайловского: «Ты напрасно не поправил в „Олеге“ герба России. Древний герб, святой Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орел есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III, не прежде. Летописец просто говорит: Таже повеси щит свой на вратах на показание победы».

Он еще и раньше замечал в думах Рыльева подобные ошибки. В 1822 году в «Русском Инвалиде»:

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда лишь в полдень проникал,
Скользя по сводам, луч денницы...

Какая же денница в полдень? И вот приписка в письме к брату (4 сентября 1822): «Милый мой — у вас пишут, что луч денницы проникал в полдень в темницу Хмельницкого. Это не Хвостов написал — вот что меня огорчило...». Хвостов, над которым смеялась вся Россия, мог написать: «Зимой весну являет лето». Неточностью страдали и многие другие поэты.

Но не только фактические ошибки останавливали внимание Пушкина. Он не мог допустить и неточности словоупотребления. Прочитав у Кюхельбекера стихи:

Я всегда в уединении
Пас стада главы моей...

(перифразы тогда были обычны: «чапа жизни», «огонь любви», «двери гроба»; Кюхельбекер же имел в виду «сны и грезы, и виденья»), Пушкин иронически спрашивает: «Пас стада главы моей (вшей)?».

Еще более показателен спор Пушкина с Вяземским по поводу стихотворения «Нарвский водопад». Написав это стихотворение, Вяземский 4 августа 1825 года послал его Пушкину, прося «заметить и доставить ему замечания». Описание водопада у Вяземского насыщено эпитетами, метафорами, поэтической фразеологией. В ответном письме от 14—15 августа 1825 года (из Михайловского в Ревель) Пушкин дает разбор «Водопада»: «Благодарю очень за „Водопад“. Давай мутить его сейчас же.

...с гневом

Сердитый влаги властелин —

Вла Вла звуки музыкальные, но можно ли, напр., сказать о молнии *властительница небесного огня?* Водопад сам состоит из влаги, как молния сама огонь...».

Далее разбирается седьмая строфа:

Но ты питомец тайной бури,
Игралище глухой войны,
Ты не зеркало их лазури
Вотще блестящей с вышины.

Пушкин критикует:

«Но ты питомец тайной бури.

Не питомец, скорее родитель — и то не хорошо — не соперник ли? *тайной*, о гремящем водопаде говоря, не годится — о буре физической — также. *Игралище глухой войны* — не совсем точно. *Ты не зеркало* и проч. Не яснее ли и не живее ли: *Ты не приемлешь их лазури* etc. Точность требовала бы не *отражаешь...*».

Вяземский возражает Пушкину: это же поэзия, метафора, символ, а не ученое описание: «Вбей себе в голову, что этот весь водопад не что иное как человек, взбитый внезапною страстью. С этой точки зрения, кажется, все части соглашаются...».

Эта защита неточных выражений не по душе Пушкину, но он не хочет вести бесполезный спор: «Ты признаешься, что в своем водопаде ты более писал о страстном человеке, чем о воде. Отседе и неточность некоторых выражений».

Метафора метафорой, но она не должна слишком отрываться от реального значения слова. Разные точки зрения, разные типы поэтического мышления. То, что для Вяземского музыкально, выразительно, для Пушкина — неточность.

Вот и в рецензии на «Невский альманах» — «точность» и не в общеязыковом смысле, а именно в пушкинском.

Анонимный автор отмечает у Языкова не только точность слога. Есть и другое — «огонь и сила языка», «полный смысла» слог и др. Но и эти характеристики обычны в пушкинских отзывах: «Стихи Катенина, полные силы и огня»; «Стихотворение, исполненное огня и движения»; «Стих, исполненный истинно трагической силы»; «А чем же держится Иван Иванович Расин, как не стихами, полными смысла, точности и гармонии!» (Письмо Л. С. Пушкину, 1824) и т. д.

Да весь стиль рецензии пушкинский. Но нужны бесспорные факты.

Их удалось добыть благодаря проведенному ранее изучению лексико-семантической системы, выявлению и описанию принципов пушкинского словоупотребления. Текст вдруг «раскрылся»,

факты, так сказать, сами пошли в руки. Вот — «Никто самовластнее его не владеет стихом...». Так никто не мог сказать и не говорил, кроме Пушкина. Предварительная работа позволяет ученому отметить: «Перенос слов *самовластие, самовластный, самовластно* — из сферы политических отношений в область жизни и поэзии — типическая особенность пушкинского стиля... Вместе с тем слово „род“ в языке Пушкина в применении к литературе всегда значит: жанр или стиль, например, род классический и романтический... Наконец, для пушкинского стиля очень характерно тройственное сочетание эпитетов, которым заканчивается рецензия». Так слово за словом, фраза за фразой подвергаются стилистической проверке, своеобразной экспертизе.

Принадлежность рецензии Пушкину можно считать доказанной. Но необходимо посмотреть, кто еще мог бы быть автором, кого еще можно заподозрить, как говорят следователи. Круг «подозреваемых» невелик: Дельвиг, Сомов, Вяземский, Пушкин.

Впрочем, Дельвиг отпадает, так как известно письмо Пушкина П. А. Вяземскому: «Высылай ко мне скорее Дельвига, если ты сам не едешь. Скучно издавать газеты одному с помощью Ореста, несносного друга и товарища. Все Оресты и Пилалды на одно лицо. Очень благодарю тебя за твою прозу...». Дельвиг жил тогда в Москве у М. А. Салтыкова, своего тестя. В «Литературную газету» он ничего не присылал.

Вяземский тоже тогда (январь — февраль 1830 года) находился в Москве. Но он кое-что присылал Пушкину: Пушкин благодарит его «за прозу». Что же присылал Вяземский? В середине января он пишет Пушкину в Петербург: «Дельвиг просил меня написать статью о московских журналах. Вот она. Кажется слишком растянута; перетяни ее, как хочешь, выкинь частности, одним словом, делай, что хочешь...». А 1 февраля Вяземский высылает продолжение статьи: «Вот и вторая статья... Разделите статью по журналам, в ней рассмотренным: для каждого листа по особенному журналу...». И все. Вяземский предлагает Пушкину растянуть статью на несколько номеров. Значит, Вяземский не собирается временно что-либо присылать, так как знает, что сам вскоре приедет в Петербург (Дельвиг и Вяземский приехали в конце февраля). Следующая его статья появилась в середине марта (№ 16).

Тогда, может быть, Орест Сомов: ведь он жил в Петербурге и действительно участвовал в издании «Литературной газеты»? Нет, рецензия совсем не в стиле Сомова. Но может быть, есть и другие моменты? Да, есть, причем в самой рецензии: «Сказки о клалдах» суть лучшее из произведений Байского, доныне известных». Это отзыв о сочинениях Сомова, причем написанный посторон-

